

УДК 334.02

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА: СТАРАЯ, НОВАЯ ШКОЛЫ И МЕЙНСТРИМ

О. С. СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник

E-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук

В статье рассматривается проблема неоднородности институционального анализа, выясняются причины и следствия этой неоднородности. Особый акцент сделан на возникновении двух школ — старого и нового институционализма, которых отличают отношение к неоклассическому анализу и исходные допущения, а также используемый метод познания экономических явлений. Автор выделяет наиболее важные темы старой институциональной исследовательской академической программы, обозначает проблему статики и динамики с позиций институционального подхода.

Ключевые слова: институциональный анализ, неоднородность, старый и новый институционализм, статика, динамика, мейнстрим, проблема, выбор.

Неоднородность институционального анализа: старая и новая школы¹

С момента своего возникновения институциональный анализ противопоставлялся неоклассическому. Это происходило не только по методу познания экономических явлений — индуктивному и дедуктивному, но и по используемым исходным допущениям, установкам анализа.

---

¹ Выделение нового институционального анализа в рамках институциональной школы произошло в 1975 г. с легкой руки Оливера Уильямсона.

Фактически произошло разделение экономического анализа на две составляющие, которые противопоставлялись друг другу. Яркой характеристикой возникшей в экономической науке ситуации, на которую мало обращали внимание специалисты по методологии экономической науки, явилось то, что разделение экономического анализа не приводило к аналогичным процессам в области синтеза. Точнее сказать, силы противопоставления оказывались более мощными, чем силы объединения усилий для познания высокой сложности социально-экономических изменений.

Вместе с тем каждый из названных подходов в аналитическом смысле не был однородным. Происходила дифференциация экономического анализа по объектам исследования, способам познания и моделирования, исходным допущениям и т. д. И неоклассика (хотя в общем смысле она демонстрировала большее единство), и тем более институционализм не оставались однородными в названном значении.

В институциональном анализе четко выделялись старая и новая школы, причем последняя представляет собой совокупность взаимосвязанных, но все же отдельных направлений анализа: теорию институциональных изменений, прав собственности, трансакционных издержек, контрактов и агентских отношений, общественного выбора и др. Старый институционализм также весьма неод-

нороден — он представлен историко-описательной традицией (Т. Веблен), правовым (Дж. Коммонс) и конъюнктурно-статистическим (У. Митчелл) институционализмом.

Проблема проведения демаркационной линии в институционализме всегда была очень острой. Такая ситуация сохраняется до сих пор, хотя многие вопросы могут считаться снятыми с повестки дня. Спорные моменты возникают практически по всем элементам каждой из названных теоретических систем: исходным тезисам анализа, предмету и программе исследований, методу и применению математического аппарата.

Сближает же старый институционализм с новым три вещи: несогласие с неоклассическими предпосылками анализа; стремление распространить институциональный подход к изучению тех явлений, которые совсем недавно не относились к области чистой экономики и вызывали больший интерес у социологов, историков и психологов, чем у экономистов; постановка задачи объяснения экономических изменений путем выбора в качестве объекта анализа социальных институтов при разном толковании последних, а также использования эволюционного метода к изучению происходящих экономических изменений. Превосходство нового институционализма над старым в конце XX — начале XXI в. имеет под собой прочный фундамент, хотя пренебречь достижениями анализа старых институционалистов, работы которых переиздаются в наше время, невозможно.

Причина данного «аналитического» превосходства состоит, во-первых, в предвзятом отношении к старому институционализму со стороны многих исследователей, а во-вторых — в отсутствии хорошо систематизированной и адекватной аналитической системы в рамках старого институционализма, которая бы позволяла приходиться к более конкретным и строгим выводам. Новый институциональный анализ в этом смысле более гибок. Он скорее расширяет действие известных схем, экономического инструментария, чем создает что-то абсолютно непохожее на ортодоксальные процедуры.

Безусловно, важно оценивать идеи в области экономики по тому, что они значат для развития экономики как науки и что проясняют или позволяют рекомендовать в области экономической политики. Для чего нам требуется исследовать закономерности протекания обменов в экономике,

организацию производства, управление фирмой, отношение собственника и наемного работника, формы контракции, изменение цен и проблемы на рынках труда, факторы роста и т. п.? Зачем и кому нужна лишняя информация, тем более совершенно неоднозначная?

Глубокое понимание происходящих социальных процессов позволит систематизировать наши действия, создаст осознанные мотивы поведения, в конце концов обеспечит предметное воздействие на систему и ее элементы, чтобы сделать функционирование хозяйства более результативным; прояснит наше понимание происходящих изменений, а значит, рационализирует выбор агентов, вооруженных такой информацией.

Тем самым важной целью существования экономической науки и анализа, который она воспроизводит, является помимо совершенствования собственного аппарата принятия наиболее обоснованных действий в условиях сложившейся структуры институтов. Именно потому, что существуют мощные государственные системы, корпорации, иерархии, фирмы — аналитическая информация от экономистов (итог их анализа) имеет значение и остается востребованной.

Целесообразность любого типа анализа определится этой потребностью. При этом исследовательская программа каждого направления экономической науки и тип анализа, который она предполагает, может строиться на своих принципах и включать только свои определенные элементы.

Так, анализ старых институционалистов отстаивает три важных для понимания сути происходящих экономических явлений тезиса:

— институты являются единицей экономического анализа (в противоположность индивидам у неоклассиков);

— модель поведения человека формируется под воздействием привычек, обычаев, норм, является феноменом культуры;

— точкой приложения интеллектуальных усилий должно стать разрешение проблемы бесконечной институциональной регрессии [6].

Институциональная теория отвергает рациональное поведение, поскольку это означало бы, что присутствует некое объективное, а не субъективное восприятие индивидами институтов, что, конечно, не так. Если субъект экономики может дать точную количественную оценку чему-либо, то он может, точно сравнив эти оценки, осуществить выбор. Но

его биологическая природа все равно определенным образом смещает количественные оценки даже в тех областях, где они возможны.

В отношении институтов отдельно взятый индивид не может дать точной количественной оценки, так как он субъективно воспринимает институциональное окружение, да и сами институты предстают в виде лингвистических, правовых, социальных, культурных и иных форм. Правильная оценка этих форм или выработка верной модели поведения в условиях их совместного функционирования является очень трудной задачей. Совокупность институтов, окружающих индивида и образующих соответствующие структуры, может определять характер его действий. Модель действия экономического субъекта выступает результирующей его институционального окружения, взаимодействий типа «субъект — субъект», «субъект — структура», «институт — институт», «институт — структура — субъект».

Индивид может быть полностью уверен в полезности набора рутинно совершаемых им действий. Однако на практике эти действия могут быть вредными для него без идентификации наносимого вреда и даже при полной иллюзии полезности, которую создают определенные институты.

Например, они могут настроить человека на тяжелый жертвенный труд за минимальную оплату ради достижения некой идеальной цели или подтолкнуть его к поступку, за который он окажется в тюрьме, однако полностью себя оправдает с позиций неформального кодекса чести. Возникает логическое противоречие, разрушающее общепринятую тавтологию о максимизации удовольствий.

На самом деле человек никогда не будет поступать во вред себе, напротив, всегда будет стремиться к максимально возможному собственному удовлетворению и тем самым будет максимизировать индивидуальную полезность своими действиями. Таким образом, институты определяют действия хозяйственных субъектов и их рутины, поэтому совершенно неважно, какими свойствами обладает сам субъект (если только это не организационная структура). И стало быть, не нужно задаваться моделями свойств человека, а необходимо создавать модели действий или, что более перспективно, модели функционирования институтов, детерминирующих эти действия.

Неоинституционалисты утверждают, что люди создают формальные и неформальные нормы, кото-

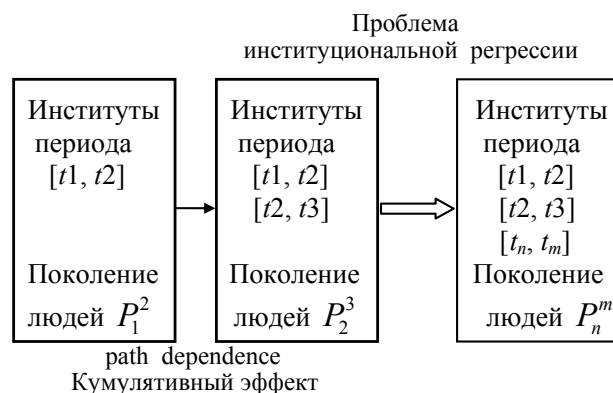
рые структурируют взаимоотношения между ними, обеспечивая обмены и социальные контакты [5, с. 8; 4, с. 101—103]. Данный подход нужно признать не совсем корректным, потому что он не учитывает жизненного цикла индивидов и институтов.

Значительное число правил, норм поведения, законов меняется в течение жизни одного поколения людей. Если новое поколение рождается на отрезке времени $[t1, t2]$, то в зависимости от того, на какой участок жизненного цикла институтов попадает данный отрезок, находятся характеристики процесса социализации этого поколения людей. Хотя за жизнь данной генерации произойдет смена многих правил, необходимо признать, что в среднем жизненный цикл институциональной матрицы превышает жизненный цикл поколения людей, а текущие изменения следует рассматривать как действие кумулятивного эффекта. Именно поэтому становится некорректным утверждение, что люди создают институты, которые затем управляют ими (см. рисунок).

Во-первых, институты создаются прошлыми институтами. В этом состоит принцип зависимости от прошлого, который приводит к проблеме институциональной регрессии.

Во-вторых, поколения людей сменяют друг друга в результате старения и смерти, а институты не умирают. Они становятся неэффективными и выбывают в результате конкурентного давления, представляя собой объем информации в ячейках социально-исторической памяти и играя важное значение в обучении будущих поколений.

Да, человек создает институты, но его воспитание и обучение проходят в определенной институциональной системе. Поэтому его действия, в том числе по изменению норм и правил игры,

Взаимодействие жизненных циклов в системе «институт — субъект»

в значительной мере predeterminedены прошлыми институциональными изменениями [6].

Следовательно, чтобы понять экономическую реальность и тенденции развития национальных хозяйств, необходимо знать закономерности функционирования хотя бы базовых институтов, структурирующих информацию о поведенческих реакциях агентов, создающих модели ожидания, модели опережения действий (дилемма Холмса — Мориарти) и достаточно устойчивые модели оценки. Подобным образом институты «заставляют» субъектов вести себя единообразно и создают повторяющиеся циклы поведения в аналогичных ситуациях, применяя наказание за девиантные действия.

К сожалению, проблема изучения институтов сводится к сложной таксономии правил, норм, обычаев, инстинктов, мыслительных конструкций и т. п. Замена абстрактно-дедуктивного метода на описательный, когда «история имеет значение», создает проблему субъективной интроспекции институциональной непрерывности.

Институциональный анализ переносит акцент с индивида на институты, рассматривая последние в качестве единицы анализа как некие содержательные «агрегаты». Однако они и интересны потому, что образуют социальное «трение» (во взаимодействиях), а следовательно, имеют потери и обретения, определяют организацию, аллокацию и адаптацию в экономике.

Общепринято, особенно среди сторонников старой школы, считать постановку проблемы бесконечной институциональной регрессии заслугой новых институционалистов. Например, этой точке зрения придерживается проф. Дж. Ходжсон [7, с. 29—74]. Он в предположительном ключе высказывается относительно возможности реформулирования новоинституциональной программы исследований и ее сближения с позициями старых институционалистов.

Автор данной статьи считает наличие институциональной регрессии как нельзя лучшей демонстрацией фундаментальной методологической проблемы (затрудняющей сближение двух исследовательских программ) не только институционального анализа, но и экономического анализа в целом. Обычай и привычки в старом анализе — это не что иное, как неформальные нормы поведения для нового институционализма. Регрессионные эффекты охватывают связи между институтами и решениями агентов, а на практике любая регрессия

в социуме разрешается посредством реализации властных полномочий.

Это порождает и проблемы распределения власти, ресурсов и доходов в экономике. Поведение экономических агентов всегда направлено на разрешение институциональной регрессии. Это содержится в природе социального поведения. Процедура выбора есть преодоление регрессии. Таким образом, в структуре эволюционных моделей должны быть заложены модели принятия решений, а точнее, должен быть очерчен диапазон действий, позволяющий так или иначе разрешать институциональные регрессии. Именно это в конце концов формирует траекторию экономического развития, качество которого зависит от того, как и чем разрешаются регрессионные эффекты.

Представители старой институциональной школы довольно много времени тратят на обоснование необходимости анализа институтов, играющих важную роль в экономической жизни. Однако неоклассические экономисты уже давно соглашались с данной необходимостью, но предметом их критики являются методы институционального анализа, методология, а также возможности осуществления экономико-политических рекомендаций.

Самое интересное, что представители ортодоксии не хотят считаться с действием институтов именно в области разработки и применения мероприятий экономической политики, а также при оценке успехов и неудач каких-либо действий правительства. Конечно, для этого удобно использовать «объективные» факторы, на самом деле вытекающие из случайных изменений экономической жизни.

Большинство моделей экономического роста, полученных представителями ортодоксальной школы экономики, связывают те или иные факторы в рамках вводимой производственной функции. Преобразуя ее и обеспечивая дополнительные связи между факторами или параметрами системы, получают «модельное» влияние этих факторов на экономический рост с вытекающими предложениями для экономической политики. При этом иные аспекты не учитываются, а измерение введенных параметров привязывается к той статистике, которой располагают исследователи.

Здесь возникает проблема интерпретации полученных «модельных» экспериментов, обоснования именно такой, а не иной связи факторов и доказательства их влияния на рост экономики. Примеча-

тельно, но большинство неоклассиков соглашались, что институты определяют как сам рост, так и его темп, но ни одна их модель не давала каких-либо удачных представлений об этом влиянии.

Однако и в рамках институционального анализа могут быть встроены некорректности, которые в «пиковом» случае способны обесценить сам анализ, как и априорно вводимые неоклассиками модели роста. Например, несмотря на общий справедливый характер критики российских преобразований, тот же Дж. Ходжсон допускает одну существенную ошибку [7]. Доказывая важность институционального анализа экономических изменений, он утверждает, что нельзя без институтов объяснить процессы в российском хозяйстве 1990-х гг., когда при сохранении знаний происходило сокращение выпуска продукции.

При всей справедливости первой части аргументации ошибка содержится в том, что объем знаний не был сохранен. Речь идет о неизменности информационного потенциала российской экономики в широком смысле, включая образование, науку, технологии, производственный и управленческий опыт, конструкторские разработки, знания о рынках, конкурентах и т. д.

Никак нельзя согласиться с тезисом, что падение объемов производства не сказывается на информационном потенциале экономики. При этом происходит сужение разнообразия национальной экономики, включая многообразие информационное. Теряются не только потребительные стоимости. С уменьшением числа занятых идет потеря квалификации, внутрифирменных рутин, носителем которых является индивид, ибо технология и навыки управления, организационный опыт путешествуют от одного человеческого мозга к другому и никак иначе. А объектом, посредством которого идет передача, выступают бумага, компьютер, язык и человеческая речь, т. е. полная система вербальной и невербальной коммуникации.

Экономическая наука предложила многочисленные модели экономического роста, но куда скромнее ее достижения в части моделей спада экономики. Более того, разрабатываемые математические модели не учитывают качественного содержания факторов роста и совокупной их производительности. Они являются сугубо количественными моделями, а на вопросы качества развития как раз обращали внимание представители институционального анализа, такие как Г. Мюрдаль, Т. Шульц, А. Сен и др.

Стандартная производственная функция, которую используют неоклассические экономисты, не срабатывает в описании многих экономических событий. Помимо капитала, труда, параметров размещения этих факторов, информации, в функцию в явном виде должны входить формальные и неформальные нормы, отвечающие за полное разнообразие социальных отношений, устанавливающих права собственности [6], правила производственной деятельности, торговли, деловой конкуренции.

Наиболее целесообразно, на взгляд автора, вместо факторов труда и капитала либо технологий, которые включаются в последние варианты производственной функции, либо факторов информации или человеческого капитала ввести в функцию отдельно трансформационные и транзакционные издержки в явном виде. Но в таком случае и система статистики должна быть готовой представить количественное измерение этих видов издержек.

Старый институционализм за всю историю своего развития имел самые сильные интеллектуальные позиции в Соединенных Штатах Америки после Первой мировой войны. С 1924 по 1943 г. шесть из десяти президентов Американской экономической ассоциации принадлежали к данному течению экономической мысли. После Второй мировой войны влияние институционализма было ощутимым, хотя и существенно меньшим, чем в межвоенный период. После 1945 г. восемь институционалистов возглавляли экономическую ассоциацию в Америке. Возможно, сказывалось то, что старый институционализм родился в США, а может быть, что он предлагал программу исследований, которая интриговала многих экономистов и привлекала их на свою сторону.

Выводы, к которым приводил старoinституциональный анализ, противоречили либеральной идеологии, воспевающей свободу рынков, индивида и минимальную роль государства. Институционалисты никогда не были против свободы. Они пытались дать справедливую оценку этому феномену, понять его природу, определить границы. В большинстве своем они считали, что государство не является помехой свободе, а наоборот, есть одно из главнейших ее условий.

В качестве определяющих аргументов против описательного анализа старой институциональной школы выдвигались такие позиции.

Во-первых, старый институционализм представляет смесь методологических претензий и сла-

бости анализа, он занимается только описанием, и его нельзя рассматривать в виде самостоятельного теоретического направления.

Во-вторых, старый институционализм стремится рассматривать экономику с институтами почти в «первозданной» сложности, но лишается при этом теоретических преимуществ, которыми располагает новый институционализм, являющийся теоретическим направлением и дающий достойный анализ в силу строгости получаемых результатов.

Враждебность со стороны ортодоксии к старому институционализму возникла благодаря действию двух основополагающих факторов:

1) из-за негативного отношения политических кругов в силу идеологических расхождений и требований изменить сложившиеся неэффективные структуры, тормозящие развитие экономики;

2) из-за скептического отношения к институционалистам внутри научного сообщества, члены которого сильно поддаются влиянию новых веяний в теории, не сумев оценить или развить то, что уже создано их предшественниками.

Разочарование в теоретической системе взглядов наступает быстро, если эта система не приносит ощутимых плодов для развития экономического анализа и политики. Однако попытки принизить интеллектуальное значение институционализма, как обычно бывает, привели к обратному эффекту. К концу XX в. институционализм обеспечил успешное развитие нескольким своим направлениям, черпающим силу в староинституциональных идеях.

Так, идея ограниченной рациональности просматривается у Ф. Найта в его рассуждениях о риске, неопределенности и прибыли [14], а также у Дж. М. Кларка. Трансакционные издержки, отделение собственности от управления, важность инженерных знаний в обеспечении экономического роста — данные понятия возникают в ряде работ Т. Веблена [15, с. 47—49]. Дж. Коммонс развивает взаимосвязь экономики и права, предлагает идею эндогенных денег, асимметричной информации, возникающей в контрактах [12, с. 25—30].

Институционалисты сыграли определенную роль и в области исследования факторов производства. Например, П. Дуглас и Ч. Кобб разработали ставшую знаменитой производственную функцию, Э. Янг сформулировал концепцию возрастающей отдачи, наметки которой можно встретить у А. Маршалла. Последнего с большим трудом можно отнести к представителям институционального

анализа, в то же время очевидно, что исследователь пользовался некоторыми элементами методологии старой школы, хотя и не разделял ее базисных принципов.

Неоклассическая теория делает акцент на индивидуальную рациональность, носящую абсолютный характер, равновесие экономических процессов, отсутствие хронического дефицита информации или проблем, связанных с ее поступлением и качеством.

Отступления наблюдаются только в теории игр, где подвергается доказательному сомнению тезис относительно рациональности и полноты информации. Не секрет, что неоклассики являются сторонниками свободного рынка и всеми методами развивают эту концепцию. Но и многие экономисты, которых принято относить к новоинституциональному направлению, разделяют такие взгляды. Это прежде всего Р. Коуз, О. Уильямсон, Р. Познер.

Среди названных экономистов существовала высокая диверсификация позиций. К. Эрроу и Ф. Хайек открыто критиковали идею равновесия в экономике, хотя в начальных работах К. Эрроу по теории равновесия такая критика заметна мало [8, с. 10—27; 10]. Ф. Хайек информационные проблемы выделял в особую группу, признавал неполноту информации, рассматривал конкуренцию как процедуру открытия новых знаний, предложил концепцию рассеянного знания [13, с. 40—45]. Показательны работы К. Менгера — с одной стороны, он критиковал немецких историков, но, с другой стороны, в его работах просматриваются черты как новой, так и старой институциональной традиции [2—3].

Так, исследование денежного обращения привело К. Менгера к следующим выводам: деньги представляют собой инструмент, в котором нуждается государство; бартер — это ситуация отсутствия денег, когда рыночные обмены происходят напрямую, без участия денежного эквивалента; появление денег облегчает совершение рыночных транзакций и в конечном счете ликвидирует бартер; использование денег в таком качестве обусловлено фактом их наличия, здесь действует положительная обратная связь, когда процессы взаимно детерминированы [3]. Именно для институциональных структур, для их функционирования характерна положительная обратная связь.

Дж. Гэлбрейт наряду с Т. Вебленом и Дж. Коммонсом рассматривал прогресс в области технологий и рекламу как сильнейшие факторы, изменяющие

поведение людей и приводящие к институциональным изменениям [1]. Затем К. Эйрс исследовал роль технологии и «погружения в культуру» в качестве основных движущих сил воздействия на человеческое поведение [11, с. 169—172].

Несмотря на очевидную монофакторность, старые институционалисты ищут возможности объяснить сложный характер изменений в системе «институт — индивид», но при этом, как и неоклассики, «возвеличивают» какой-то один или несколько факторов и сталкиваются с проблемой макроэкономической агрегации. Этим обусловлено высокое многообразие подходов в рамках институционального анализа.

Неоклассики принимают индивида неизменным и достраивают остальную картину экономической жизни исходя из принятой модели экономического человека. Именно стабильный индивид позволяет сформулировать такую модель. Вот почему институциональный подход в своей основе не может опираться на похожую разработанную модель. Человек изменчив, а значит, вместе с ним должна меняться и его «модель». Т. е. следует вести речь о динамической институционалистской модели экономического человека, если она вообще нужна при таком анализе.

На взгляд автора, разница между экономическими школами и течениями, и особенно между старым и новым институционализмом, состоит в том, какой способ используют представители этих школ для разрешения бесконечной регрессии экономического анализа. М. Аоки, отталкиваясь от новой институциональной традиции, сводил коренную проблему нового институционализма к объяснению безинституционального состояния в начальной точке [9, с. 10—15]. Идея состояла в том, чтобы показать возникновение нового институционального анализа из старого.

В хронологическом плане старые институционалисты, конечно, раньше новых сформировали свою исследовательскую программу. Поэтому вполне закономерно считать новую школу в виде некоего конгломерата идей, в число которых включены наработки старой школы. С этих же позиций можно трактовать различные модификации кейнсианства.

Обосновывая такую позицию, М. Аоки исходил не из индивида, что является отличительной чертой новоинституциональной методологии, а из связки «индивид — институт», что приближает

его к старой школе, делающей акцент на проблемы коэволюции системы «институт — человек» [9]. По всей видимости, новоинституциональный подход ощутимо дальше от эволюционных представлений, чем староинституциональный. Это второе существенное отличие нового институционализма от старого.

Проект микрооснований, который используют новые институционалисты, дает возможность в лучшем случае рассмотреть эволюцию какого-либо отдельного объекта, являющегося и предметом изучения. Однако проблема эволюции касается целого. Если целое раздробить, получив эволюционные сценарии отдельных объектов, то с необходимостью возникнут труднопреодолимые сложности синтеза этих «локализованных» или «локальных» эволюций, чтобы получить общую картину движения экономической системы во времени.

Более того, вспоминая критику Р. Лукаса по поводу отсутствия микрооснований у макроэкономики и ненужности по этой причине самого макроэкономического анализа, с позиций институционального анализа можно утверждать, что у микроэкономических изменений должны иметься «макрооснования», аналитическая сила которых не меньше, чем у «микрооснований». В таком случае возникает обратное по отношению к критике Лукаса утверждение.

Институциональная статика и динамика

Чтобы понять условия возникновения новых институтов и замены или живучести старых, экономисты должны рассуждать в терминах институциональной статикой и динамики. Но под статикой следует понимать не отсутствие динамики на временном отрезке размером в год, т. е. неизменность институтов на этом отрезке, а институциональное status quo безотносительно к периоду. Институциональная динамика — это тянущийся во времени процесс, характеризуемый генетически обусловленной заменой старых институтов новыми, т. е. автоматической сменой правил, обычаев или их модификацией, либо управляемым институтообразованием.

Институциональная динамика — собирательный термин, передающий общую суть эволюции институтов, но каждая из институциональных структур, каждое правило может иметь собствен-

ную и уникальную траекторию развития. Есть правила и обычаи, т. е. институты, которые вообще никогда не исчезают, будучи один раз отобранными и зафиксированными в каналах социально-исторической памяти. Например, Янтарная комната в годы Второй мировой войны исчезла, но как явление отечественной культуры она продолжает существовать, и к настоящему моменту найдены отдельные ее фрагменты, сохранены фотографии и информация о входивших в этот объект ценностях российского искусства.

Информация, язык, культура и история как элементы культуры, имеющие самостоятельное значение, представляют собой неуничтожаемые институты и структуры, но имеющие смысл только в рамках человеческой цивилизации. Экономическая система есть не что иное, как институциональное разнообразие вполне конечного объема. Количество объектов (институтов) разнообразия велико, но обозримо. Если у каждого института имеется своя траектория развития, пусть и зависящая от других структур, то к проблемам институциональной динамики добавится та, которая будет касаться определения значимых институциональных трансформаций.

Изменив одно правило, пересмотрев какой-то обычай, отменив один налог или введя новые требования по транспортировке грузов по железной дороге, вряд ли удастся существенно изменить параметры функционирования экономики в целом. Хотя, нужно признать, даже такие локальные коррективы в долгосрочном плане могут оказаться позитивными. Более того, для конкретных экономических агентов они упростят жизнь уже на короткой дистанции. Вот почему проблемы динамики, особенно затрагивающие особенности институционального развития, представляют часто неподъемную экономическую задачу.

Сказанное очевидным образом сближает позиции старых и новых институционалистов. Обычай и привычка не должны становиться яблоком раздора данных экономических школ, поскольку они принадлежат указанному разнообразию или, математически, множеству, выступая в качестве такого же института, как и правило у новых институционалистов.

Когда они выделяют политическую систему, права собственности, бюрократию, конституционный выбор, поведение малых групп в качестве объекта анализа, они фактически из всего разнообразия останавливаются на наиболее значимых, с их точки

зрения, институтах. Эти структуры непосредственно определяют действия экономических агентов и поддаются количественному анализу в отличие от привычки и обычая, отбираемых из имеющегося разнообразия старыми институционалистами. Причина же слабости экономико-политических рекомендаций новых институционалистов кроется в неотработанности передаточного механизма, который будет тем совершеннее, чем большую часть указанного множества сможет охватить.

Новый институционализм как новый мейнстрим?

Новоинституциональная исследовательская программа² в некотором смысле сглаживает расхождения между институционализмом и неоклассикой, хотя как раз это и разводит сторонников старой и новой институциональных школ. Она включает следующие основные направления анализа.

1. Предметом анализа, как и в старом институционализме, являются институты и институциональные изменения. Непрерывные взаимодействия между институтами, организациями и индивидами, зависящие от траектории предшествующего развития, в условиях редких ресурсов выступают генератором институциональных изменений.

Соперничество между институциональными структурами и организациями заставляет последних инвестировать в приобретение опыта и знаний, что позволяет фирмам постоянно находиться на рынке и развиваться. В свою очередь институциональная матрица позволяет определить, какие знания важны сейчас и в следующий период. Типы необходимых знаний определяются величиной максимальной отдачи, которую можно получить, применяя эти знания.

В экономике присутствуют игроки, а сам хозяйственный макропроцесс — большая и очень

² Обычно она ассоциируется с именами Р. Коуза, Г. Беккера, Д. Норта, О. Уильямсона, А. Алчяна, Г. Демсеца, Р. Познера, Дж. Бьюкенена, М. Олсона, У. Нисканена, Г. Таллока и др. Иногда к этой программе причисляют и Ф. Хайека, а также А. Сена, Дж. Элстера, Дж. Ремера, хотя последние являются представителями аналитического марксизма (теории социального выбора) и более свободно обращаются с неоклассическими предпосылками по сравнению с вирджинской школой общественного выбора. В частности, они вводят в анализ этические основания индивидуального поведения, используют макро- и микромоделирование, теорию игр, включая в этот анализ отдельные представления марксистского толка о базисе и надстройке, производственных отношениях и производительных силах.

сложная игра. Модели поведения игроков формируются из их восприятия сложного мира, ограниченной информации, культурных традиций, формальных норм и вырабатываемых мысленных конструкций, которые в сильной степени зависят от результативности предварительной социализации агентов, что относится не только к индивидам, но и к фирмам.

2. Трансакционные издержки выступают важным звеном, инструментом новоинституционального анализа. Они возникают благодаря тому, что информация обладает ценой, и участники обмена владеют ей в разной степени, т. е. имеются информационные асимметрии.

Институты определяют не только трансакционные издержки, но и трансформационные — производственные. Несмотря на высокую степень расхождений в рамках нового институционализма, которую демонстрируют представители данного течения экономической мысли, в общем, практически все они разделяют фундаментальные неоклассические допущения о редкости ресурсов и позитивном значении конкуренции. Институты рассматриваются в качестве ограничений, накладываемых людьми на свою деятельность, подобно бюджетным и технологическим ограничениям. Институты определяют величину отдачи, задают границы социального выбора.

Ортодоксальная предпосылка о беспрепятственном обмене в рамках нового институционализма теряет силу, но это не делает данный анализ более адекватным, поскольку отмеченные представления морально устаревают и в новоинституционалистской традиции. Признать протекание обменов с препятствиями — это половина дела. Современные тенденции говорят о появлении неисчерпаемого ресурса — информации, занимающей в экономике все более активные позиции.

Появление этого ресурса меняет всю структуру трудовых процессов, схемы ценообразования и торговли, повышает роль науки, образования и знания в экономической жизни. Для этого ресурса невозможно в полной мере применить теории, базирующиеся на кривой производственных возможностей, поскольку информация представляет изобильный ресурс. Она может быть плохо структурирована, дорога, недоступна. Она может испытывать по мере прохождения по каналам связи серьезные искажения со всеми вытекающими отсюда последствиями для агентов, принимающих решения и пользующихся

этим сведениями, но она *ipso facto* неуничтожима, если критическая масса экономических агентов не примет решения об ее уничтожении. И даже в этом случае нет никаких гарантий, что не найдется субъекта, который частично помнил бы или восстановил по элементам исчезнувшую информацию.

3. В новоинституциональном анализе очень сильны позиции, согласно которым институты есть правила игры, организации же представляются не сложными институционализированными системами, а игроками, напоминающими индивидуума, вовлеченного в некий процесс, заданный определенными ограничениями. Организации имеют цели деятельности, но их возможности и модели поведения предопределены институциональной структурой.

В институциональной матрице заложены типы знаний, инвестируя в которые, можно добиться максимальной отдачи и которые некоторым образом согласуются с целями организаций. Если знания о торговле или спекуляции приносят в обществе наибольший доход, то организации и отдельные индивиды начнут прикладывать усилия для освоения знаний данного типа.

Если воровство при минимальных рисках и упразднении морально-нравственных ограничений позволяет безбедно существовать и все другие способы не способны этого обеспечить, экономические агенты направят усилия на совершенствование в области воровства. Таким образом, новые институционалисты рассматривают организации почти в неоклассическом стиле, добавляя к этому инвестиции в знания — человеческий капитал, анализ схем контракции, прав собственности и трансакционных издержек. Фактор конкуренции постоянно вынуждает организации инвестировать в определенные типы знаний, о которых имеется представление как о наиболее перспективных в смысле получения максимальной отдачи в будущем.

4. Подавляющее большинство экономистов, которых можно отнести к новоинституциональному направлению, следуют шумпетерианской традиции, рассматривая в качестве агента институциональных изменений предпринимателя. Д. Норт фактически добавляет: предпринимателя как лицо, принимающее решение [4—5].

Это интуитивное добавление снижает глубину допускаемой ошибки, но целиком не устраняет ее. Однако оно является чрезвычайно важным, поскольку в экономике лица, принимающие реше-

ния, — не только предприниматели. Новые институционалисты по-своему разрешают бесконечную регрессию в экономическом анализе.

Вместе с тем разрешение регрессии возможно не нормативным, а строго логическим путем. Действительно, предприниматель как агент социально-экономических изменений не мог появиться раньше племени, домохозяйства, которое постепенно обнаруживало в себе предпринимательские функции. Предварительно сформировался институт излишка — прибыли, который развил и упрочил поначалу очень слабенькую предпринимательскую традицию.

Источником изменений является субъективное восприятие предпринимателей, их менталитет, который и предопределяет выбор. Опыт, знания объединяются с восприятием текущих событий, образуя мощнейший фактор институциональных изменений — мысленные конструкции действующих лиц. Но этими лицами у новых институционалистов выступают предприниматели.

Как видим, понятие мысленных конструкций сближает с традицией старых институционалистов. Однако подобные мысленные конструкции возникают не только у предпринимателей — у любых лиц, принимающих решения. Поэтому способ разрешения институциональной регрессии в экономическом анализе избран новыми институционалистами не совсем корректно. Здесь определяющую роль сыграл стереотип о роли предпринимателя в технико-экономическом развитии, развитый Й. Шумпетером. Но многое с того времени изменилось. Политические структуры приобрели автономное и очень сильное влияние на экономическую жизнь. То же относится к правовой инфраструктуре, ассоциациям, включающим правительственные организации, бизнес, профессиональные союзы, что известно как система трипартизма и т. д.

5. В новом институционализме существенное значение придается характеру проходящих изменений. Считается, что трансформации в относительных ценах служат источником институциональных перемен. Цены как бы экзогенизируются, т. е. выполняют роль генератора происходящих модификаций, возвышаются над ними.

Вместе с тем цены отличаются друг от друга. Поэтому уместно уж если и воспринимать их в виде источника институциональных изменений, то надо говорить о нескольких таких источниках, что затрудняет понимание возникающей связи. Цены

формируются в ходе множественных социальных контактов, подчиняющихся заранее установленным правилам. Следовательно, цены являются результатом функционирования институциональной структуры.

Относительные цены изменяются под воздействием институциональных трансформаций разного масштаба и глубины, а изменяясь, сами играют роль подготовительного или даже промежуточного этапа для следующих институциональных перемен. При этом правила формирования цен могут не изменяться.

Сильнейшим источником институциональных изменений является политико-правовая система, позволяющая проводить преднамеренные трансформации. Другой тип институциональных перемен представлен спонтанными изменениями, причины которых имеют очень сложную природу и в основном затрагивают область неформальных ограничений, поскольку формальные правила могут меняться только в рамках политической системы.

Процесс институциональных модификаций может быть инкрементальным и революционным, иными словами, непрерывным или скачкообразным. Второй вариант реализуется при исключительной роли властных структур либо общественных групп, приближенных к механизмам перераспределения власти. Новые же институционалисты рассматривают преднамеренные институциональные изменения как «результат спроса предпринимателей в контексте воспринимаемых издержек перестройки институциональной структуры, приносящей неодинаковую отдачу» [5, с. 8].

Предприниматель должен оценить чистую выгоду, получаемую от заключаемых сделок в рамках существующей системы институтов, и сравнить их с чистой выгодой, которая может быть получена от направления ресурсов в институциональную реструктуризацию. Согласно этой логике институциональные изменения возникнут только в случае правильной оценки, возможной лишь при наличии полной и качественной информации о текущих сделках, контрактах, а также о том, какие они станут в будущем, причем в будущем, которое возникнет благодаря структурным изменениям.

Сегодня ни один профессиональный экономист с самыми высокими регалиями, которыми его наградили другие экономисты и политики, не способен дать убедительного прогноза в такой постановке проблемы. Есть еще области и задачи, где люди

просто бессильны. Предприниматель не имеет соответствующей подготовки экономиста-исследователя, тем более что ему не суждено проводить подобную оценку. Значит, он будет действовать и оценивать так, как подскажут ему интуиция, жизненный опыт и знания общеэкономического характера.

Автор продемонстрировал, что привязывать анализ институциональных изменений к поведению предпринимателя, оценке по методу сопоставления им затрат и выгод является крайне самонадеянным подходом, на который отважились представители новой школы.

Вряд ли кто-либо оспорит утверждение, что технология преобразовала общество из традиционного (сельскохозяйственного) в новое индустриальное и до сих пор задает параметры институциональной динамики, обеспечивая дальнейший прогресс капитализма. Однако это не повод, чтобы возводить на пьедестал экономического анализа одного предпринимателя, не умаляя, впрочем, его роли в создании условий для экономического развития.

Экономические и политические организации разного плана стремятся сохранить свое место в институциональной матрице, которое удалось занять ранее. Со своей стороны они тоже вносят взнос в институциональные изменения, только иной направленности, так что расположение общего вектора институциональных изменений, кстати, зависимо от траектории историко-культурного и социально-экономического развития государства, представляет истинную и нерешенную проблему институционального анализа. Неразумная, неэффективная экономическая политика способна подорвать текущую институциональную структуру и резко сузить потенциальные возможности продуктивных изменений.

Такая политика может не только привести к образованию хребтовой траектории развития, но ослабить позитивную организационную структуру экономики, простимулировав интересы порочных организационных форм и соответствующее поведение. Правительственное управление институциональными изменениями возможно посредством воздействия на формальные нормы, поскольку они поддаются относительно быстрому изменению в отличие от ригидных неформальных норм. Именно возникающие трения между формальными и неформальными правилами экономической жизни приводят к необходимости революционных изменений, характеризующихся отсутствием компромисса

в институциональных замещениях и быстротой их реализации.

6. Новые институционалисты, не отказываясь от допущения редкости ресурсов, признавая методологический индивидуализм в качестве интеллектуальной основы экономического анализа, тем не менее говорят об информационных асимметриях, неполноте и цене информации. Кроме того, они расходятся с неоклассиками на предмет рациональности. У ортодоксов рациональность — инструментальная, у новых институционалистов — процедурная.

Первая предполагает наличие всей необходимой информации, ее бесплатность и доступность. Вторая предполагает неполноту сведений, из которой вытекают субъективные модели поведения экономических агентов.

Именно с понятием процедурной рациональности связывают возникновение транзакционных издержек. Наличие таковых говорит о несовершенстве рынков и отдельных правительственных мероприятий, исполнение которых также связано с необходимостью совершать транзакции.

Утверждая, что институционалистское направление экономического анализа внесло незначительный вклад в разработку передаточных механизмов экономической политики, вместе с тем следует отметить колоссальную роль правительства как институционального инноватора. Малый вклад измеряется прямой вовлеченностью теоретической системы в решение указанной задачи, но если считать старую институциональную школу предвестником макроэкономики (а именно этот взгляд нужно всячески поддержать), то опосредованно институционализм повлиял на разработку передаточных механизмов экономической политики хотя бы тем, что способствовал созданию аналитического инструментария, с помощью которого данная задача решается напрямую.

При таком представлении целью экономической политики может выступать снижение транзакционных издержек и проектирование институтов, приводящих к сокращению этих издержек. По-видимому, экономические агенты извлекут большие выгоды от обменов, своими действиями расширяя рынки и разнообразие благ. Однако рассмотренные вопросы у новых институционалистов и неоклассиков вызывают существенные расхождения.

Экономическое развитие в терминах новоинституциональной традиции предстает в виде чередующихся институциональных инноваций,

направленных на снижение транзакционных издержек и структуризацию обменов. Представители ортодоксального течения считают такие нововведения не значимыми в формировании эффективных рынков. Данное расхождение вызвано разницей во взглядах на проблему эффективности экономического и политического рынка. Но ни та, ни другая точка зрения не может быть признана справедливой, потому что усеченно представляет проблему.

Несовершенство экономических рынков новые институционалисты и неоклассики трактуют примерно одинаково — как нарушения в распределении прав собственности либо как имманентные «провалы» рынка, т. е. отсутствие должной компетенции в конкретных процессах, для которых они просто не предназначены, либо как результат нарушения схемы конкуренции.

Организация соперничества между агентами и фирмами в сильной степени зависима от институтов, но примечательно, что неоклассика, пропагандируя необходимость и выгоды конкуренции, забывает уточнить, что при абсолютной конкуренции предельный доход и предельные издержки одинаковы, следовательно, прибыль равна нулю. Такая ситуация не позволит развиваться фирме в технологическом плане, концентрировать капитал и финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в нарастающих объемах, не говоря уже о том, что состояние, когда действуют одинаковые фирмы, по поводу производства однородного продукта представляется умозрительным, лишенным всякого смысла.

Иная плоскость проблемы связана с тем, что, отстаивая позиции конкуренции, неоклассики забывают об издержках организации этого процесса — точность и неточность оценки выгод и издержек здесь будут определять результат анализа и идеологические предпочтения. Но важно еще и то, что экономическая наука дала четкий ответ: соперничество внутри фирмы, когда конкуренция сильна в границах персонала, чревата повышенной конфликтностью, высокими транзакционными издержками и снижением конкурентоспособности фирмы. Это наблюдается при обследовании фирм и дает точные основания для сомнений в эффективности данной модели организации. При этом надо обратить особое внимание на действующие институты, которые определяют результат.

Если учесть, что права собственности определяются политической системой, то характеристики

политического рынка в некоторой степени задают параметры несовершенств рынков экономических. Новые институционалисты пытаются добавить к этому восприятию фактор институциональных инноваций, изменяющий каким-то образом текущее распределение прав.

Измерение эффективности экономических рынков приближением их структуры к структуре с нулевыми транзакционными издержками ничем не обусловлено, поскольку рынков без транзакций и соответствующих издержек в социальной природе не существует. В данном случае экономист должен стать провидцем, так как ему придется четко предсказать, какой будет рыночная структура с нулевыми транзакционными издержками. Очевидно, не для всех рынков это удастся сделать.

Интересно, что эффективность политического рынка измеряется уже не экономией на транзакционных издержках, что являлось бы вполне закономерным, поскольку эти рынки характеризуются значительно большим объемом транзакций, чем экономические рынки, а степенью соответствия предлагаемых на рассмотрение избирателя политических программ задаче обеспечения максимальных доходов экономических агентов, участников обменов и избирательного процесса.

Таким образом, близкие в некоторых моментах позиции ортодоксов и новых институционалистов демонстрируют наличие острой проблемы определения эффективности экономической системы и образующих ее рынков. Приблизиться к модели с нулевыми транзакционными издержками — это не задача для современных рынков. Скорее требуется достичь приемлемого уровня данных издержек, который позволял бы поддерживать и наращивать с определенным темпом уровень общественного благосостояния.

7. Представители новоинституциональной традиции, особенно те, кто занимается проблемами долгосрочных институциональных изменений, придают большое значение институциональному анализу при изучении следующих связей: идеология — институты; поведенческие предпосылки — накопление знаний о работе институтов; политика — экономика, взаимоотношения обмена, возможности согласования моделей поведения и влияние этого взаимодействия на развитие экономики; проблемы бесконечной институциональной регрессии.

Мысленные конструкции игроков, обуславливающие модель их поведения, устанавливающие

процедуры выбора, формируются под влиянием определенной общественной идеологии. Формальные правила структурируют обмены и посредством этого способны влиять на цену следования каким-либо идеям, усиливая тем самым значение мысленных конструкций и стереотипов поведения.

В этом плане староинституциональный подход практически внедряется в содержание нового институционализма, либо представители последнего в лице Д. Норта дают теперь очевидную слабость, последствия которой в отдаленной перспективе могут означать объединение аналитических систем, надежду на которое вынашивают многие экономисты.

Таким образом, институты и у новых институционалистов выступают предметом анализа, однако в это понятие они вкладывают совершенно другой смысл. Институты — это формальные правила и неформальные ограничения, общепризнанные нормы поведения, а также механизмы принуждения, необходимые для поддержания режима следования правилам и соблюдения ограничений.

Указанная позиция отстаивается Д. Нортом, причем его точка зрения на определение институтов обладает такой широтой, что способна поглотить староинституциональную трактовку института как обычая или привычки мышления, что можно отчасти считать неформальным ограничением, а отчасти — общепризнанной нормой поведения, т. е. правилами, которым следуют, не сговариваясь, подавляющее большинство граждан и которые не имеют силы закона, оформленного посредством политико-правовой системы.

Выявленная связь может составить мощную основу для сближения методологии и аналитического инструментария новой и старой институциональных школ. Среди новых институционалистов, если огрубить ситуацию, можно выделить два кардинальных подхода, отличных по исходным положениям анализа.

Один подход посвящен выявлению эндогенных факторов институциональных изменений, что важно как для понимания условий и особенностей развития экономической системы, так и для дальнейшего совершенствования аппарата экономической науки.

Согласно второму подходу усилия экономистов сосредоточиваются на изучении влияния институтов и организаций на экономическую эффективность, причем возникновение институтов и

организаций остается экзогенным, т. е. вне рамок анализа. Институциональная структура считается известной заранее, заданной, проблемы же связаны с характеристиками изменения трансакционных и трансформационных издержек. Особый интерес возникает при преломлении изменения этих затрат сквозь призму конкретных организационных форм, воспринимаемых в виде данностей.

Со всей определенностью в экономической науке можно выделить три основополагающих направления анализа и развития — неоклассическое, старое институциональное и занимающее промежуточное положение новоинституциональное. Все остальные школы с той или иной степенью точности относятся к одному из этих векторов и могут отличаться предметом и масштабом исследования, а также некоторыми девиациями в методологии.

Безусловно, тут же возникнут терминологические проблемы, проблемы соотнесения, защитные реакции, например у неомарксистов и неокейнсианцев, представителей социэкономии. Каждый начнет доказывать уникальность собственной методологии и отличия от подходов, исповедуемых другими школами. Однако тематика методологических расхождений исчерпывается вариативностью взглядов на экономического человека и модели его поведения, информации, рынка и системы его связей с государством, а также понятия «экономический институт» и методов познания сути экономических явлений.

Если экономисты смотрят по-разному на каждую из перечисленных компонент, то велика вероятность расхождений взглядов на содержание передаточного механизма экономической политики. Интерес вызывает то, что при всех различиях в методологии экономического анализа экономисты довольно часто соглашаются с теми или иными методами проведения экономической политики. Расхождения сохраняются только между течениями, составляющими два полюса дихотомии в управлении государственными финансами, — между монетаристами и кейнсианцами. Этот парадокс, бесспорно, требует объяснений.

Помимо всего сказанного следует признать, что старые институционалисты в отличие от новых с большей холодностью относятся к необходимости разработки рекомендаций экономической политики и к политике как системе конкретных действий, оказывающих самые непосредственные и разнонаправленные влияния на функционирование экономики

в ближайшей и отдаленной перспективах. Старый институционализм, как уже отмечалось, черпает интеллектуальную силу из философии и психологии прагматизма.

В 1986 г. Р. Лонглуа в работе «Экономика как процесс» поднял вопрос о соотношении старого и нового институционализма. Старый институционализм имел доминирующее влияние в период Первой мировой войны. Р. Лонглуа считает, что старый институционализм связан с посткейнсианством, и это позволяет ему пролонгировать идейное влияние за счет успехов в развитии другой теории [6].

С резкой критикой старого институционализма выступили Р. Коуз, О. Уильямсон. Пафос их выступлений и публикаций на этот счет сводился к тому, что старый институционализм не представляет собой теоретического направления, а новый таковым является.

Согласно О. Уильямсону старый институционализм предлагает экономической науке описание, не создавая при этом теории, а новый — обеспечивает анализ [6].

Большим достоинством старого институционализма выступает глубокое исследование и понимание недостатков рыночной формы организации хозяйства. После Второй мировой войны, когда на первый план в науке вышли кейнсианство и экономическая политика роста, старый институционализм, сослужив хорошую службу, удалился на временный покой. На смену кейнсианству пришли неоклассические методы управления макроэкономикой. Институционализм макроэкономические основания оставлял на втором плане, а на первый выдвигал микрооснования, на чем, собственно, невозможно было создать теорию экономической политики.

Нужно отметить, что объявления об интеллектуальной смерти старого институционализма были сильно преувеличены. Коротко напомним основные темы, отличающие старый и новый институционализм, отдаляющие первый и сближающие последний с неоклассикой.

Старые институционалисты в качестве инструмента анализа используют привычку, обычай, стереотип поведения, рассматривают механизм взаимодействия между конкретным институтом и индивидом и посредством такой модели объясняют экономический процесс.

Так, Т. Веблен делал акцент на эволюции не только институтов, но и вкусов, целей, привычек, ментальности, а значит, и ценностной структуры че-

ловека и выбора. Дж. Гэлбрейт и К. Эйрс отмечали определяющее влияние на человеческое поведение эволюции технологий и знаний.

Старые институционалисты в отличие от новых давали расплывчатое определение института. С точки зрения создания формальных моделей представление институтов как особой системы правил, а также специфических организаций с признанными формами координации и суверенитета выглядит более убедительно, нежели стереотип и привычка, которые также можно свести к формальному правилу или неформальному ограничению, разделяемому большинством игроков. Только так можно получить сколь-нибудь целесообразную и полезную модель и подойти к решению проблемы исчисления институтов.

Можно, конечно, институты рассматривать как общественные блага, продукты, которые производятся при участии политико-правовой системы. Характер данного производства определяет экономическую и социальную эффективность хозяйственной системы. Собственно говоря, такой подход будет развит далее при описании проблемы институциональной инфляции, а ранее осуществлен в книге «Институты и экономическое развитие» и в более ранних статьях автора.

Новый институционализм не дает точного определения, что есть коммуникация, суверенитет государства и индивида и как осуществляются коммуникации между указанными группами. Кое-какие представления имеются, но их вряд ли можно считать убедительными, так как никакого осязаемого продвижения применительно к экономической политике в этой области не наблюдается. Сама коммуникация представляет собой институт, и возникает проблема неразрешимой институциональной регрессии, которую новые институционалисты не хотят замечать. Один институт порождает второй, второй — третий и т. д. Например, М. Аоки хорошо представлял трудность разрешения институциональной регрессии и проблему начала отсчета. Не столь важно видеть, что было в нулевой точке — важно знать, как расшифровать природу возникновения и взаимодействия новых и старых институтов.

Вторая половина 1980-х и 1990-е гг. ознаменованы колоссальным разрывом между развитием технологий, экономических организаций и возможностями применения инструментов экономической политики. Выделим некоторые наиболее важные, на взгляд автора, процессы, напрямую затрагивающие

проблемы развития экономики и методов экономической науки.

1. Высокий уровень технологизации промышленной системы, обеспечивающий быстрые темпы экономического роста без социальных потрясений (приемлемый уровень социальной напряженности и невысокая безработица).

2. «Конец истории» (Ф. Фукуяма) — завершение противопоставления социализма и капитализма, победа рыночной экономики, демократии с вытекающей экономической и последующей идеологической и национально-культурной унификацией.

3. Изменяется взгляд на экономические проблемы: на первый план выходят задачи энергообеспечения, сохранения и экологичного использования ресурсной базы экономики и экономические вопросы неравенства и бедности. Возникает и активно развивается новое направление в экономической науке — эконофизика (наука, обеспечивающая взгляд на экономику в рамках теории сложных систем, исследующая поведение экономических систем и воздействие экономических факторов, а также достижения современной экологии).

4. В самой экономической науке возникает необходимость пересмотра базовых экономических индикаторов и методов измерения:

а) несовершенство таких макроэкономических показателей, как валовой национальный доход и национальный продукт, представляющих собой по существу анахронизмы экономического анализа, поскольку не включают в себя нематериальный источник жизни, становящийся в условиях информационной экономики определяющим;

б) неадекватность представлений о хозяйственном развитии по критерию экономического роста с использованием макроэкономических показателей. На самом деле социальное развитие представляется куда более многогранным. Даже такой комплексный показатель, как индекс развития человеческого потенциала, принятый для проведения сопоставлений по уровню развитости стран в ООН, учитывает лишь некоторые качественные параметры социального развития. Поэтому даже этот показатель не может восприниматься как панацея вследствие весьма ограниченной (формальной) оценки качества созданных в стране социальных функций.

Представитель старой институциональной школы Дж. Гэлбрейт в 1996 г. опубликовал работу «Справедливое общество: гуманистический взгляд» [1]. В ней поставлены следующие ключевые про-

блемы развития современной экономики:

— распределение доходов и власти (справедливость и эффективность);

— практицизм;

— цели и задачи справедливого общества (проблема приоритетов);

— соотношение частного и государственного секторов экономики;

— планирование и регулирование, присвоение доходов.

Для обеспечения эффективного функционирования частного сектора хозяйства требуется выполнение разнообразных государственных функций. С ростом экономики они приобретают все большее значение, и государство не берет на себя ответственность за выполнение такого большого числа обязанностей. К этим функциям и продуктам относятся блага, которых частная экономика не может предоставить по природе вещей и тем самым создает дистанцию между стандартами человеческой жизни, а также закладывает определенную (и часто высокую) конфликтность между частными и общественными секторами.

Цели и задачи справедливого общества сводятся к обеспечению производства товаров и услуг, а также распределению полученного дохода в соответствии с социально приемлемыми критериями. Общество формирует не только новые возможности, но и новые потребности, что приводит к растрате экономических ресурсов.

Представление об экономическом росте как о наращивании ВВП получило наименование «культуры валового внутреннего продукта». Таким образом Дж. Гэлбрейт рассматривал одну из важных экономических проблем суверенитета потребителя и выбора. Суверенитет потребителя страдает от тех, кто призван обслуживать потребителя, — от системы рекламы и сбыта. Здесь налицо проблемы потребительских предпочтений, механизма передачи или осуществления власти, распределения собственности и получения доходов от нее. Все это вопросы сугубо институциональные.

Экономическая система сейчас представляет многогранную совокупность различных центров, имеющих, возможно, разные цели, и по этой причине в справедливом обществе решения должны приниматься в конкретном случае с учетом социальных и экономических условий. Несправедливость представляет собой явление социального неравенства, когда экономические блага распределяются

неравномерно. Как известно, 20% населения США контролируют 80% национального достояния, еще 20% — 6%, а остальные 60% населения — всего 14% [6]. Несправедливость составляет коренную проблему экономического развития, обретающую форму социального неравенства.

Поиск способов его снижения, а не экономический рост, на взгляд автора, определяет главную цель экономической политики в современном обществе. Утверждения, что с экономическим ростом легче решать эту проблему, имеют под собой основания только в том случае, если прирост продукта распределяется, поднимая благосостояние неимущих и не увеличивая пропасти между богатыми и бедными. Если же при распределении эта разница все-таки возрастает, причем быстрее, нежели увеличивается доход бедных, то в моральном смысле малоимущие испытывают все тот же дискомфорт, потому что ощущения бедности относительно наиболее высокого дохода и сравнения в экономической жизни никто не отменял.

Кстати, именно эта позиция не учитывается многими экономистами, изучающими вопросы экономического роста. В качестве условий, помогающих облегчить поиск средств сокращения неравенства и несправедливости, на взгляд автора, выступает следующий минимальный набор критериев-требований (императивных установок):

1) создать систему помощи малообеспеченным и обеспечить неуклонное сокращение разницы в доходах между денежными группами;

2) исключить или минимизировать образование финансовых олигархических групп;

3) существенно ограничить дальнейшее повышение личных доходов наиболее богатых слоев граждан;

4) государственную политику направлять на отмену налоговых льгот, поощрять прогрессивную шкалу налогообложения;

5) ввести жесткие правила экономического поведения — только так обеспечивается эффективное финансирование приоритетов государственной системы; исключить парадокс, когда изобилие снижает потребность в государственном регулировании и одновременно увеличивает его.

Основные наиболее актуальные темы исследования в области современного старого институционализма могут быть охвачены следующими исследовательскими областями:

- институциональные изъяны общества (неэффективности) и разработка новой теории — ин-

ституциональных (шире — экономических) изменений;

- развитие старого и нового институционального анализа, исследование привычек и правил поведения, воссоздание восходящих и нисходящих причинно-следственных связей;
- редукционализм и эмерджентность;
- проблемы исторической специфичности в экономике;
- правовая и организационная природа фирмы;
- исполнение контрактов и распределение прав собственности;
- проблема новизны инноваций и описание экономической эволюции — ламаркианской и дарвинистской, а также рассмотрение эволюционных эффектов на коротких и продолжительных отрезках времени.

Представленная тематика, конечно, не исчерпывает всего списка возможных вопросов в области институционального анализа и одновременно составляет тематику исследований в рамках других экономических школ.

Почему именно этот круг вопросов относится к компетенции старой институциональной школы? Прочие экономические теории, используя ортодоксальную методологическую базу, дают лишь общее видение в рамках указанных направлений. Автор специально перечислил эти области, чтобы наглядно продемонстрировать приемлемость и применимость старого институционализма к решению задач экономической политики.

Разумеется, это совсем не значит, что старый институционализм способен предложить действенный передаточный механизм экономической политики достаточно быстро и в требующемся объеме. Однако же и неспособность на такой подвиг неочевидна из выдвигаемых неоклассиками критических аргументов против институционального анализа.

Другие экономические школы — кейнсианская, австрийская, чикагская — интересуясь указанной проблематикой, не считают круг вопросов в духе старой институциональной традиции основополагающим для экономической науки. Они откровенно и даже намеренно пренебрегают понятиями «привычка», «обычай», «стереотип поведения» (модель), «хреод»-эффект, «институциональная регрессия», которые активно используются старыми институционалистами и составляют понятийную, методологическую основу их интеллектуальной конструкции. В этом — одно из проявлений проти-

воречий, обнаруживаемых между старым и новым институционализмом, а также между институционализмом и неоклассикой.

Вместе с тем в рамках теории игр те или иные модели используются, включая понятия «привычка», «регрессионный эффект», элементы альтруистической модели поведения. Поэтому на сегодня четкие разграничительные линии между неоклассикой и институционализмом стираются, в том числе благодаря существенным достижениям новой институциональной школы и возникновению новых математических конструкций и алгоритмов, позволяющих моделировать и описывать поведение агентов в разных условиях при обнаружении различных переключений в их поведении.

По существу, вопрос касается проблемы решения регрессии в рамках самого экономического анализа, его построения. Что считать его концептуальным ядром? Неоклассики определяют: индивида, его эгоизм, рациональность и владение информацией. «Контрреволюционеры» ущемляют каждый из названных параметров либо накладывают на него дополнительные условия, что не может восприниматься крупным достижением, хотя и приближает экономистов к реальности.

В рамках старой школы регрессия разрешается так: рациональность построена на привычке людей мыслить и поступать некоторым образом. Таким образом, в качестве ядра анализа рассматриваются привычка, обычай, традиция. Привычка является основанием любого рационального действия. Если бы человек заменил садовую малину лесной, он получил бы более мелкие ягоды с лесным ароматом, но на вкус примерно то же. При отсутствии информации о такой подмене многие люди не смогут отличить одни ягоды от других — для них это малина. Аналогичное происходит в экономической науке: интеллектуальные усилия довольно существенны, а решение стоящих перед обществом задач — незначительное.

Сначала существовала рациональность, затем над ней появилась привычка, которая всем руководит. Суть от этого не изменилась, возник лишь новый аналитический «аромат» (или его иллюзия). Привычка позволила приблизить экономические размышления к биологическим основам поведения людей. Но все агенты имеют разные привычки, следовательно, демонстрируют рациональность различной глубины или вообще иррациональность. Исследователя интересуют совокупные реакции,

поведение не только отдельных экономических агентов, но и всей системы в целом. Ему важны массовые реакции, агрегированные величины. Так что очевидны возникающие трудности агрегации привычки. Считать же, что привычки различных агентов одинаковы, — неверно.

К рассмотрению этой проблемы в разные периоды активно подключались не только представители новоинституционального подхода, например Г. Беккер, но и основоположники-неоклассики, такие как А. Маршалл. С их позиции привычка есть результат решения или сложившегося социального порядка.

По сути дела, после названных корректировок проблема опять приняла регрессионное звучание. Что первично — привычка или решение и социальный порядок? Или еще более точно: что первично — привычка или разум?

Язык как средство общения между людьми есть результат очень длительной эволюции социальных форм, в данном случае общепринятых и понятных всем форм и правил речи. Он развивается под воздействием привычек и институтов, сложившихся заблаговременно, но претерпевающих изменения вместе с языком, который должно воспринимать в виде установленного социального порядка. При этом возникает один из важных вопросов, часто упускаемый из поля зрения: почему привычка не является институтом?

Это прежде всего проблема определения института. Если имеются в виду мысленные конструкции агентов, то разница между привычкой и институтом исчезает. Зато становится невозможно толковать институт как социальный порядок, потому что привычка — только один из элементов подобного порядка, да к тому же невидимый. Если институты — это формальные нормы и неформальные ограничения, то значение привычки становится более расплывчатым и нестрогим. Институт-привычка и институт-правило, закрепленное юридически, — узкие определения понятия. Широкие определения звучат по-другому. В данном случае под институтом понимаются язык, культура, особые организации, например, банки, корпорации, правительство, с признанными формами координации и суверенитета. Под это определение подпадает и государство.

Таким образом, традиция нового институционального анализа, в отличие от старого, стремится все-таки провести различие между привычкой и институтом. Новые институционалисты как будто не хотят лишиться несомненного достоинства ор-

тодоксии определять мероприятия экономической политики, что сделать сложно, базируя анализ на понятии «привычка». Хотя учитывать этот анализ, особенно в плане микроэкономической политики, необходимо.

Новоинституциональный исследовательский проект — это по смыслу проект микрооснований, в который добавлены институты как данности. Затем формулируется исходная ситуация и изучается развитие экономики из этой начальной точки, где институты были стабильны, но затем начинали изменяться.

Список литературы

1. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. Избранное. М.: ЭКСМО, 2008. 1200 с.
2. *Менгер К.* Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего», 2005. 496 с.
3. *Менгер К.* Основания политической экономии / К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992.
4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: ФЭК «Начала», 1997.
5. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. № 3. 1997.
6. *Сухарев О. С.* Институциональная теория и экономическая политика. В 2 т. М.: Экономика, 2007.
7. *Ходжсон Дж.* Жизнеспособность институциональной экономики / сб. трудов «Эволюционная экономика на пороге XXI века». М.: Япония сегодня, 1997.
8. *Эрроу К.* Неполное знание и экономический анализ / Истоки. Вып. 4. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
9. *Aoki M.* The Cooperative Game Theory of the Firm. Oxford. Clarendon Press. 1984.
10. *Arrow K.* The Limits of Organization. New York: Norton. 1974.
11. *Ayres C.* Towards a Reasonable Society. Austin: University of Texas Press. 1961.
12. *Commons J.* Economics of Collective Action. Madison. University of Wisconsin Press, 1970 (1950).
13. *Hayek F.* Economics and Knowledge / *Economica*, February, 1937., Vol. IV, No 3.
14. *Knight F.* Risk, Uncertainty and Profit. The Chicago University Press, 1971, repr. (1921).
15. *Veblen T.* The Theory of Business Enterprise. New York: Charles Scribners. 1904.